

БИБЛИОТЕКА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Валерий ГАНИЧЕВ

АДМИРАЛ УШАКОВ

ФЛОТОВОДЕЦ И СВЯТОЙ

Валерий Николаевич Ганичев

Адмирал Ушаков.

Флотоводец и святой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174405

В.Н. Ганичев «Адмирал Ушаков. Флотоводец и святой»: Издательство

ИТПК; Москва; 2008

ISBN 5088010-246-7

Аннотация

Книга о великом русском флотоводце адмирале Федоре Федоровиче Ушакове, с именем которого связаны блистательные победы Российского флота на Черном и Средиземном морях. В 2000-м году Федор Ушаков канонизирован Русской Православной церковью как местночтимый святой Саранской епархии. Для широкого круга читателей.

Содержание

17 год	6
Удаление от моря	11
У Волги разливистой	26
У божьего служителя	37
Морской кадетский корпус	44
Кикин дом	56
На кронштадском эллинге	62
Ваш бог – линия...	65
Встреча на всю жизнь	72
Прощай, гардемарин! Здравствуй, мичман!	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Валерий Николаевич Ганичев АДМИРАЛ УШАКОВ Флотоводец и святой

Бог всегда воздает по справедливости людям наполненным Верой и Праведностью, совершающим Милосердие и Благотворительность, служащим Отечеству и ближним честно и неподкупно. Народы уважают людей, показывающих образцы исполнения долга, людей добросовестно исполняющих свое дело, уверенных в своем призвании, людей занимающих свое место с достоинством, людей правдивых, неспособных блудозлословить и лукавить, людей, которые не ленятся работать, не боятся энергично сказать «нет», не стыдятся сказать «не могу», людей вдохновенных, способных творчески мыслить, людей, которые беззаветно служат Богу, народу и Отечеству, людей, которых любят люди. Таким был Ушаков...

30 ноября 2000 года Синодальная комиссия по канонизации святых Русской Православной Церкви, рассмотрев на своем заседании подвижнические труды в служении Отечеству и народу Божию, благочестивую жизнь, праведность,

милосердие и самоотверженный подвиг благотворительности адмирала Российского флота Федора Ушакова, приняла решение о причислении его к лику праведных местночтимых святых Саранской епархии. Российский флот, боголюбивое российское воинство обрели небесного представителя и ходатая перед престолом Божиим о многострадальном Отечестве нашем.

17 год

На берегу реки Мокши сидел старый человек в морском мундире. Последние предосенние прозрачнокрылые стрекозы трепетали над ним, некоторые садились на потертые эполеты, передыхали и вспархивали, когда человек шевелился. Ему было душно, он расслаблял рукой расстегнутый воротник и, глубоко вздохнув, замирал, вглядываясь слезящимися глазами в ладошки небольших волн, похлопывающих речку. Что виделось ему в этом мелководье? Что прозревал он сквозь наплывавшую влагу? О чем думал? Может быть, и ни о чем. Казалось, его мысли не нужны были никому. Ни этим густобородым монахам из Санаксарского монастыря, ни улыбчивым робким крестьянам, ни плотным соседским помещикам, с почтением раскланивающимся с неразговорчивым стариком. Им были далеки его думы. А он и не выстраивал их в ряд, не готовил к передаче потомкам, не хранил откровения в потаенных уголках, постепенно растворяя во времени драгоценные и неповторимые открытия, стирая в памяти известные только ему пути и ходы в сложной шахматной игре воинской морской жизни.

До недавнего времени он еще знал, что одержал великие победы, что сумел вырваться из плена старых теорий и открыл новые законы морского боя, что создал не одну непобедимую эскадру, воспитал немало славных командиров и

экипажей боевых кораблей. Сейчас же все это казалось ему миражем, призрачной стрекозой, трепетавшей над плечом; небольшое движение – и нет ничего, все исчезло в мареве летнего зноя.

...Современники часто не замечают гения, таланта, пророка в своем окружении. Они не могут, а если вспомнить историю, то зачастую и не хотят выделять выдающиеся, превосходящие их способности ближнего. С раздражением говорят о таком выдающемся человеке, возводя его в лучшем случае в разряд чудаков и везучих людей.

Выдающейся личности не могут простить ее величия, не могут признать ее достижений. Ординарная натура не соглашается, что рядом человек необычный, особенный. Ну и, конечно, богатство, капитал, привилегия, несправедная власть не могут допустить, чтобы кто-то превосходил их своим истинным блеском, значением, смыслом. Во многие века, да и поныне, они пытаются поставить все в услужение себе – попирая ум, честь, гордость, порядочность. Победы и достижения гениев и талантов, конечно, нужны несправедливой власти и капиталу – они защищают, укрепляют, возвеличивают, да, кроме того, по прошествии времени, многое из достигнутого можно выдать за результаты «разумного и мудрого» руководства властей предрежащих. Те же победы, которые нельзя присвоить себе, следует преуменьшить, а то и забыть их, пренебречь ими.

В отечественной истории не раз бывало, что подлинные

talantы и истинные победители отодвигались на обочину, а лавры и рукоплескания доставались или напыщенным фаворитам, или второстепенным фигурам, или иностранным союзникам, чье первородство умело подтверждалось их дипломированными соотечественниками да нашими тугодумами и низкопоклонниками. Ратная слава испокон веков ведет к почестям, и эти почести чтут и уважают люди военные. Но было в народе сдержанное отношение, недоверие, а то и презрение к высоким словам, пышным наградам и званиям, что сыпались иногда на не нюхавшего пороха полководца, на не водившего в дальний поход эскадры флотоводца, на глупого, но способного к интриге царедворца. Сколько их, военных и других «гениев», пытались слепить «верхи» и тайные круги, беспринципные приближенные, стоящие у трона, владельцы явных и скрытых богатств, каким только пустоцветам не поклонялось общество и высший свет, каким средним, невыразительным, в лучшем случае ординарным начальникам не подчинялись армия и флот. Как звучно и торжественно проносились в XVIII и начале следующего века имена: «адмирал Войнович, контрадмирал Мазини, адмирал фон Дезин, адмирал Чичагов, вице-адмирал Кушелев, адмирал Траверсе!»... Кто помнит их ныне? Были ли за ними выдающиеся победы, судьбоносные преобразования флота, надолго поднимавшие морское дело порядки? Нет, не были... А ведь это – «командиры» флота разных мастей, вершители судеб многих кораблей и их экипажей да и всей морской судьбы Рос-

сии.

Казалось, самой выдающейся фигурой в отечественном флоте конца XVIII века был подлинный флотоводец русских эскадр адмирал Ушаков. Но прошло едва ли десять лет после его отставки, и о нем постарались забыть в императорском дворце и Адмиралтейств-коллегий, в штабах флотов и морских училищ. Вот и заканчивал свой век забытый властью и флотскими командирами здесь, в центре России, на Тамбовщине, опальный русский флотоводец Федор Федорович Ушаков. Сорок кампаний провел он, ни в одном сражении не потерпел поражения. Блестящие победы русского флота у Тендры, Керчи, Калиакрии, Корфу сделали имя Федора Ушакова легендарным. Но мало кто помнил об этом тогда в России. Его морские служители, оставшиеся в живых подчиненные помнили, конечно, но не они хранили описания, планы и схемы его сражений, не они утверждали памятные медали в честь побед, не они ставили памятники и обелиски. Он и сам с сомнением вспоминал о дальних походах и сражениях. Все силы, душу и деньги отдавал ныне убогим, больным и калекам. Глаза его были открыты, но взор бродил где-то там, по далеким рейдам, бухтам и гаваням, натывался на крепостные стены и прибрежные рифы.

Звуки того дня и прошлого перемешивались в нем, наплывали один на другой, заставляли вздрагивать, озирааться. Зашелестел камыш у берега, и зашуршали, захлопали паруса у Ахтияра, каркнул где-то ворон, слышалась послед-

няя скорбная молитва над зашитыми в белый саван морскими служителями. Шли куда-то матросы, весело стучали топорами плотники, где-то рядом метнулся карп, и тут же раскаленное ядро шлепнулось в воду... Мелькнула ласточка, и теплая женская улыбка согрела сердце. Напрягаясь, всматривался в своих боевых командиров – Дмитрия Сенявина, Ивана Поскочина, Ивана Селивачева, Александра Сорокина, Гавриила Голенкина, Евстафия Сарандинаки. Молодцы! Хорошо ведут корабли! И еще храмы, храмы в Петербурге, в Севастополе, на Корфу и здесь, в монастыре!..

Набежал ветер, пытаюсь закутать, запеленать одинокого адмирала, а тот отстранял его рукой, пробуя задержать видения и прошлое. Вдали от моря заканчивал жизнь величайший флотоводец Отечества. Казалось, слава покинула его навсегда. Покинула раньше, чем закончилась жизнь. А может, и впрямь море не было российской стихией тогда, может, и не могли оценить истинное величие несухопутного гения в России? Ведь чуть более ста лет назад лежала она на Великих восточно-европейских равнинах, отрезанная от морей и океанов, являя собой обширную сухопутную державу, вроде бы и не помышляющую вырваться на морские просторы.

Удаление от моря

Ушаков был удален от моря в начале XIX века, в преддверии грозного наполеоновского нашествия. Тогда-то раздался панический и усталый голос: «Все! Хватит тратить средства на морской флот. Россия не морская держава». Будто бы и не было славных побед на морях, словно не бороздили Балтику и Черноморье, Белое и Охотское моря отечественные корабли, словно не трепетал дотоле в Средиземноморье и Атлантике Андреевский флаг. Может быть, проявилась тут и та боязнь морских просторов, сухопутная ограниченность, что всего сто двадцать лет назад была образом мысли некоторых правителей Российского царства? Правителей, возможно, да, но не народа, не русских людей, не потомков древних русичей, которые ходили по Днепру, Десне, Днестру на дальние расстояния. Путь из «варяг в греки» имел на своем протяжении все водные пути – речные, озерные, морские. Новгородцы и киевляне умели управлять кормилом, веслом и парусом. Привычным, обычным и понятным тогда для русского человека было море. На юге оно так и называлось Русским и подчинялось как корабельным дружинам князя Олега и Святослава, так и караванам купеческих судов, а на Севере плавали славяне от знаменитого острова Буяна – Рюге в царства Салтанов. Древнейшие славянские очаги были очагами морской выучки и мастерства.

В вышедшей в конце XIX века в Англии книге морского историка Ф. Джена «Русский флот в прошлом, настоящем и будущем» отмечалось:

«Русский флот, который считался сравнительно поздним учреждением, основанным Петром Великим, имеет в действительности больше права на древность, чем флот британский. За столетие до того, как Альфред (король англосаксов, царствовавший с 870 по 901 год) построил британские корабли, русские суда сражались в морских боях: и тысячу лет тому назад первейшими моряками своего времени были русские».

Жестокое татаро-монгольское иго захлестнуло петлю и на морских устремлениях Руси. Однако «морское тяготение» – естественное качество всякой великой нации. Не затухает мастерство корабелов на речках. Строятся ладьи, барки, лодки на Волге, Оке, Дону, Днепре, Северной Двине, на Ильмене и Москве-реке. Очаги морского тяготения сохраняют морской статус нации. Один на Севере – Белое море, Архангельск, Холмогоры, где независимые и сноровистые поморы делали прочные и ходкие ладьи и кочи, способные достичь не только обильной тюленьями Матки (Новой Земли), но и далеких мурманов (Норвегии), соревнуясь с ними в мореходном искусстве. Второй очаг был на диком, зловещем для России и Украины юге, ибо там зарождались очередные туарецко-крымские набеги на их земли, сопровождаемые насилием, убийством, пожарами. Там же, на юге, на Дону и Дне-

пре, были два вольнолюбивых бастиона, с существованием которых мирились в боярской Москве и на гетманской Украине. Донские и запорожские казаки играли роль щита для восточнославянских земель. И еще были они прекрасными мореходами, казачьи струги, «чайки» бесшумно скользили по рекам и морю, и, оказываясь под стенами Синопа, Трапезунда, работорговой Кафы, Варны и даже у стен Константинополя, их молниеносные десанты наносили удары по вековым обидчикам и опять исчезали в пространствах моря.

На востоке Московского царства тоже был прорыв к одному из южных морей. Русской рекой стала Волга. Н. М. Карамзин писал об этом периоде XVI века: «Кроме славы и блеска, Россия, примкнув свои владения к морю Каспийскому, открыла для себя новые источники богатства и силы, ее торговое и политическое влияние распространилось. Звук оружия изгнал чужеземцев из Астрахани, но спокойствие и тишина возвратили их. Они приехали из Шемахи, Дербента, Шавкала».

Тогда же в ответ на смертоносный поход хана Девлет-Гирея в 1558 году Иван Грозный направил в Крым отряд двух воевод (Вишневого и Адашева) по Дону и Днепру, в котором были боевые русские суда. Отряд захватил турецкие корабли, занял Очаков, высадился в Крыму, освободил из плена тысячи христиан. Однако прямого морского выхода в Европу к Мировому океану Россия в средние века не име-

ла. В то время когда она, истекая кровью, защищала европейскую цивилизацию от ордынского варварства, Испания, Португалия, Голландия, Италия, Англия, Франция выходили на океанские просторы. Зарождалось океаническое мышление, которое давало простор экономике, науке, торговле, литературе и искусству. России еще предстояло выработать такое мышление и овладеть им.

Даже не любивший Россию Карл Маркс писал, что нельзя себе представить великую нацию, настолько оторванную от моря, как Россия до Петра. Отсюда ясно упорное стремление, жертвы, которыми сопровождался этот неизбежный и объективно необходимый процесс, стремление Петра к морю.

Великий государственный деятель, дипломат и полководец, Петр являлся и великим флотоводцем, создателем нового военного флота в России. Петр в своей записке «О начале кораблестроения в России» пишет: «... Случилось нам быть в Измайлове на Лыняном дворе, и, гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидя некое судно иностранное, спросил вышереченного Франца (голландец Ф. Тиммерман. – В. Г.), что то за судно? Он сказал, что то бот английский. Я спросил: где употребляют? Он сказал, при кораблях для езды и возки. Я паки спросил: какое преимущество имеет перед нашими судами... Он мне сказал, что он ходит на парусах не только что по ветру и против ветру, которое слово меня в

великое удивление привело и якобы невероятно.

...И вышенареченный Франц сыскал голландца Карштен Бранта, который призван при отце моем в компании морских людей, для делания морских судов на Каспийское море; который оный бот починил и сделал машт и парусы на Язуе при мне лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало...» Петр перевез потом его на Просяной пруд, а впоследствии, отпросившись у матери на богомолье в Троицкий монастырь, превратил его в первое место, где он пробовал свои силы, умение в строительстве своего будущего флота.

В 1683 году Петр I впервые увидел море, настоящие морские суда и принял участие в их плавании. С тех пор морская стихия не отпускала его, овладев сердцем и разумом. Из второго путешествия по Белому морю Петр возвратился с неукротимым желанием приступить к строительству русского флота. России в то время принадлежало два морских побережья – Беломорское и Каспийское. Естественным было устремление к Белому, которое связывало страну с Англией, Голландией и другими странами. В Москве далеко не все понимали эти устремления. Петр же понимал, что великая страна, ее экономика требовали выхода к морю. Он не мог тогда бороться за возврат Балтийского побережья России, там господствовала мощная держава. И обратил свои взоры на юг, к Азовскому и Черному морям. Нужен был флот. И Петр I написал в октябре 1696 года Боярской думе: «Воевать морем, понеже зело блиско есть и удобно много крат паче,

нежли сухим путем». 20 октября 1696 года Боярская дума приняла «Статьи удобные...», в которых говорилось: «Морским судам быть. Достижение морей есть государево дело первоначальное». И именно от этого 20 октября начинается массовое строительство кораблей русского военно-морского флота. Начали быстро строиться военные и транспортные суда. На верфях в Преображенском, Воронеже, Козлове, Добром и Сокольске кипела работа: строили галеры и струги. Выстроенные в Преображенском галеры перевозились в Воронеж в разобранном виде и здесь собирались и отправлялись к устью Дона. Корабли, галеры, брандеры, струги подошли к турецкой крепости.

Флот принес победу. Азов пал.

Надо было утвердиться на всем Азовском море, выдвигаться к Черному. А для этого следовало продолжать создавать флот и построить гавани, ибо, как говорил Петр, «гавань – это начало и конец флота, без нее есть ли флот или нет – его все равно нет».

27 июля, после взятия Азова, Петр стал на лодках объезжать побережье. Как гласит легенда, на одном из мысов, или, как их здесь называли, рогов, вечером горели костры – то пастухи на таганах варили пищу. Здесь, на таганьем рогу, и решили соорудить гавань для первого в России регулярного военно-морского флота.

12 сентября 1698 года Пушкарский приказ постановил: «Пристани морского каравана судам по осмотру и чертежу,

каков прислан за рукою Итальянской земли капитана Матвея Симунта, быть у Таганрога... а для бережения той пристани на берегу сделать шанец, чтоб в том шанце ратным людям зимовать было можно». Так возник Троицк на Таганроге, будущий Таганрог.

Однако дальнейшее продвижение России на юг было приостановлено. Началась Северная война. Война с первоклассной морской державой. Казалось, после сокрушительного поражения русской армии под Нарвой не может быть и речи о каких-либо победах. Но шведы до Полтавы (1709) потерпели ряд серьезных поражений на Неве, Ладоге, в море и бежали от только что народившегося флота. Большого отклика в Европе это не вызвало, там еще находились под гипнозом Нарвской победы Карла XII. Лишь англичане насторожились. Посол Витворт отправил в Англию список судов царского флота в мае 1708 года: 12 линейных кораблей, 8 галер, 6 брандеров и 2 бомбардирских корабля. И с этого времени в Англии появились решительные противники морских успехов и начинаний России.

После 27 июня 1709 года, после блестящей Полтавской битвы, все европейские державы как бы проснулись от спячки и обнаружили на востоке Европы великое государство с первоклассным флотом, который подтвердил свою мощь победами при Гангуте (1714), Гренгаме (1720), в Каспийском походе и действиями дальневосточных мореходов.

В мае 1719 года новый посол Англии в России уже с со-

крушением предлагал отозвать корабельных мастеров (одна из многочисленных блокад страны. — *В. Г.*): «...если же не принять этой или другой соответствующей меры против развития царского флота, нам придется раскаяться, хотя, быть может, уже и поздно. Еще недавно царь открыто высказывал в обществе, что его флот и флот Великобритании — два лучших флота в мире. Если он теперь уже ставит свой флот выше флотов Франции и Голландии, отчего не предположить, что лет через десять он не признает свой флот равным нашему или даже лучше, чем наш? Короче — строятся корабли здесь не хуже, чем где бы то ни было в Европе, и царь принимает все возможные меры к тому, чтобы приучить своих подданных к морю, чтобы создать из них моряков».

Было отчего призадуматься правителям великой морской империи. В России тяжкими усилиями и жертвами народа, гением Петра I, его сподвижников, отечественных и зарубежных мастеров был создан великий флот, который, играя свою роль в державной политике, становился и орудием технического прогресса, торговли, подготовки замечательных кадров мореплавателей, кораблестроителей, флотоводцев. Флот породил славные традиции, которые живут и поныне. Уже тогда он был средством общения и связи между народами.

Французский посол Лави отмечал чрезвычайную выгоду для Франции, возможность черноморской и средиземноморской торговли с Россией, если она выйдет на эти мо-

ря. Ибо англичане и голландцы всю торговлю из Архангельска захватили в свои руки и товары переправляли в Марсель, где продавали «с выгодой». Ясно, что коммерсанты французские были заинтересованы в этой новой важной артерии, тогда как королевские политики не хотели усиления России.

Однако выхода на южные морские пути в первой четверти XVIII века не состоялось.

Прутский поход (1711) закончился неудачей. За поражение заплатили дорого: пришлось отказаться от Азова и планов освобождения Крыма. Петр I считал, что это временное явление. Тот же французский представитель Лави доносил о давнишнем проекте царя вести свою торговлю в Средиземное море. Действительное восстановление исторической ситуации, когда Русь опиралась на два морских фланга, движение как по Балтийскому, так и Черному морю обеспечивало развитие великой нации.

Но эпопея выхода России к полуденному морю, освобождения от насилий и угнетения христианских народов Кавказа, ограждения от разбойничьих набегов населения Южной России и Украины, создания Черноморского флота начала осуществляться лишь во второй половине XVIII века.

К концу царствования Петра I русский военный флот был одним из самых мощных в Европе. Он имел в своем составе 34 линейных корабля, 9 фрегатов, 17 галер и 26 кораблей других типов. В его рядах было до 30 тысяч человек.¹

¹ Коробков Н. М. Русский флот в семилетней войне. М., 1946.

Петербург, Кронштадт, Ревель, Архангельск – вот основные порты и базы его пребывания. Однако наследники Петра быстро прокутили его государственное богатство, выветрили из державы ее славу и силу. Невежество и некомпетентность правящих кругов, безудержное господство иноземцев, преднамеренное оскорбление национального достоинства, разрушение традиций и обычаев, стремление как можно быстрее обогатиться за счет русского народа привели к взрыву.

К власти пришла группировка русских дворян, которая в 1741 году возвела на престол дочь Петра I Елизавету. Конечно, это был дворцовый переворот, но не следует думать, что русский народ видел в иноземцах избавителей, освободителей, носителей лучшей жизни и Божественной власти.

К дворянству, приведшему к власти Елизавету, можно вполне отнести слова Александра Сергеевича Пушкина о том, что оно было «необходимым и естественным сословием великого образованного народа».

Общественный патриотический голод был утолен, и тут понадобилось решать целый ряд социальных, экономических, политических вопросов. Если рассматривать развитие Российской державы с точки зрения реального исторического процесса, то был проведен целый ряд полезных и прогрессивных изменений, реформ. Наряду с этим проявились рост бюрократической верхушки, фаворитизм.

От восшествия Елизаветы флот выиграл – разваливающийся и гниющий при ее предшественниках на стоянках

в портах, он пополнился 36 линейными кораблями, 8 фрегатами и значительным количеством более мелких судов. Специальная комиссия под началом капитан-командора С. Мордвинова составила особую систему сигналов, сведя их в книге «Особо для военных случаев». Возобновились учебные плавания, стрельбы, были уволены многие бездарные иностранные офицеры, основан Морской шляхетский корпус, был взят курс на создание отечественных офицерских кадров, что, безусловно, способствовало укреплению мощи государства, подъему и одновременно укреплению абсолютистской власти. Елизавета хотя и не обладала гениальными качествами своего отца, но в проявлении общей линии национальной политики проявляла последовательность и настойчивость. Это снискало ей широкую популярность у дворянства, в армии и на флоте и среди широких слоев общества. Об этом, в частности, писал француз-современник: «Трудно решить, какую из иностранных наций она предпочитает прочим. Но, по-видимому, она исключительно, почти до фанатизма, любит один только свой народ, о котором имеет самое высокое мнение, находя его в связи с своим собственным величием».²

Особую роль сыграл флот в Семилетней войне (1756–1763), в которой он вновь приобрел необходимый опыт и в некоторой степени восстановил заслуженную славу. В этой войне Россия после двадцатилетнего перерыва выступила

² Русский двор в 1761 г. – «Русская старина». 1878. Сентябрь. С. 192.

как морская держава. Ее флот имел задание подавить на море Пруссию и отразить поползновение ее союзника – британского флота на Балтике.

Выход в море Балтийской эскадры адмирала Машукова показал, однако, слабую выучку, плохое качество подготовленных к плаванию кораблей, их «гнилость», неумение снабжать продовольствие, большую смертность среди моряков. Вот что, например, сказано было об этом первом выходе в море в «Материалах для истории русского флота», ч. X (с. 380):

«Пройдя Готланд и Дагерот, отряд попал в туман. 3 мая ветер начал свежеть и усиливаться. На судах стали спускать нижние реи и стеньги, причем на бомбардирском корабле „Юпитер“ сломало бушприт... затем сломалась у него фок-мачта, упавшая в середину корабля; при этом падении переломилась фор-стенгга и грота-рей и сломалась грот-брам-стенгга. Бурная погода продолжалась и на следующий день. На корабле „Гавриил“ на баке отделило борт и покачнулись с планширями все 8 кнехтов, за которые крепится пертулень и рустов, и оказалась в них гнилость, потом разломилась в трюме, около грот-мачты, ящики, из которых выкатывались ядра. В носовой части корабля позади крьюйт-камеры и против грот-мачты открылась большая течь. Бомбардирский корабль „Дондер“, претерпевая сильное волнение, не мог держаться на море и, заливаемый волнами при сильной качке... давал знать пушечными выстрелами о своем опасном поло-

жении. Корабль „Гавриил“, подошедший для оказания помощи... попал на банку, о которую ударился так сильно, что руль приподняло на кряжах и сломало румпель... На „Селафаиле“ открылась течь... на праме „Дикий бык“ – трещина в бушприте».

Тяжелую трепку устроило море эскадре, выявив неподготовленность, халатность, неумение. Но такой шторм давал и опыт, превращал молодого офицера в закаленного «морского волка», а новобранца – в моряка, бывалого матроза (так называли в XVIII веке матросов). Обкатанный ветрами и штормами флот исполнил и ряд серьезных морских операций. Так, в начале кампании русские корабли бомбардировали крепость – город Мемель (Клайпеда) и способствовали ее падению, организовали бесперебойное снабжение завоеванной Восточной Пруссии и Кенигсберга.

В 1758 году флаг командующего Балтийским флотом адмирала Машукова был поднят на 80-пушечном корабле «Святой Николай», капитаном которого являлся Григорий Спиридов. Поднял свой флаг и контр-адмирал Семен Мордвинов. Адьютантом главнокомандующего был Иван Голенищев-Кутузов. С этими именами история русского флота пересечется не раз.

Флот крейсировал на Балтике, доходя до Дании, приводя в трезвое состояние союзную прусскому королю Англию, обеспечивая постоянное и регулярное снабжение Восточной Пруссии из Либавы и Ревеля.

Самой успешной операцией флота, проведенной совместно с армией, явилась бомбардировка и взятие крепости Кольберг. Первый штурм ее был неудачен, и Конференция при высочайшем дворе и ее комиссия осудила неумелые действия флота. С 76-летним Машуковым поступили «побожески», ибо он «справедливое наше неудовольствие уже довольно чувствует». Еще больше «опечалить» его в первый момент не решились, но все-таки легко удалили с действующего флота, сделав «присутствующим» в Адмиралтейств-коллегии.

Кольберг был взят в 1761 году. При его взятии отточился военный талант генерал-поручика П. А. Румянцева, зародились некоторые военные приемы у полковника А. В. Суворова.

Главкомандующим флотом стал вице-адмирал Полянский. Он получил тщательную инструкцию от Конференции, пожалуй, даже чересчур тщательную, сковывающую инициативу флота, да она как таковая не всегда и поощрялась тогда. Как бы там ни было, но русская эскадра подошла к Кольбергу и включилась в общую осаду. Первыми в сражение вступили бомбардирские суда, и «денно и ночью», как отмечалось в «окстракте» шканечного журнала, «невзирая на презестокую от неприятеля пальбу... они в самую близость города... приходили... стараясь неприятеля разорить... и искусством и порядочным наставлением... редкие бомбы миновали желаемых мест...». Затем Полянский высадил десант.

«Над оным же морским войском главная команда поручается г-ну флота капитану Григорию Спиридову, который при оных будет состоять за полковника. Для пользования больных определен штаб-лекарь Буцковский. Священнику быть с корабля „Вархаила“ с надлежащими святыми требами».

«Морские солдаты», моряки и пехотинцы сражались умело, настроили редуты, установили батареи, вели бомбардировку города. Гарнизон был истощен, и, несмотря на то, что в связи с приближающейся зимой флот снялся с якоря и ушел на зимние стоянки, участь Кольберга была решена, и он пал.

Русский флот в Семилетней войне показал, что без его участия ведение больших победоносных боевых действий, особенно в прибрежных районах, почти невозможно. Он усилился тем, что из его состава решительно исключили ветхие и устаревшие суда. Адмиралы, офицеры и командиры кораблей получили серьезную боевую закалку, наметилось преодоление кризиса. Но до полного возрождения флота было еще далеко. Заря нового флота России лишь занималась, его тактические основы только прощупывались, и его будущий создатель только учился плавать на Волге, в удалении от морских берегов Отечества.

У Волги разливистой

Федя шел за отцом, обливаясь потом, каждый новый шаг давался все труднее, коса ходила неровно, вот зацепилась за толстые стебли, и снова приходилось делать размах, на который уже не было силы. Отец не оглядывался, но Федя чувствовал, что он сердился, когда сын отставал. «Сердится батя! Нажми!» – все чаще приказывал себе Федя. Он заметил, что его маленькая коса ходит быстрее, когда носок ее чуть приподнимается вверх, и она вроде бы выплывает на волне травы, оставляя после себя успокоенное зеленое душистое море. Все гудело от напряжения, но было радостно: «До-жал, почти дожал». Все! Отец сделал последний перед лесом взмах, немного подождал и обернулся. Федор стал рядом. Мать спешила с опушки с запотевшей крынкой молока и собранными ягодами.

– Испейте, родимые! Испейте, голубчики! Смотрела любовно и жалостливо, как жадно глотал Федя. Не выдержала и всхлипнула.

– И что ты, батюшка, заставляешь его косить. Не дворянское дело-то.

– Молчи, Параскева, а что дворянское? Великий Петр все мог делать своими руками и нас, преображенцев, к сему приучал. Столярничать Федька умеет, – стал он загибать пальцы, – лошадь запрягает, топором рубит, на лодке гребет, сеть

ставить может, стрелять научу, грамоту знает, счет ведет, молится прилежно. Что еще надо? Зимой поедem в герольдию на смотр, определять на службу будем. Хватит Степке гнезда зорить, да и Федька готов на государев счет идти. Хорошо бы к преображенцам, – мечтательно протянул отец, – вот бы где свет повидал да погулял, повоевал бы, – покрутил он ус.

– Не надо ему войн, пусть служит по гражданской части, – поглаживала по головке сына мать.

– Эко ты, будто царица, приказы отменяешь. Да кто из истинных дворян променяет военную службу на бумагомарание да откажется от ратных дел.

– А Ваня-то, сказывают, отказался...

– Негодник он и клятвопреступник, со службы сбежал, – твердил и краснел отец, – опозорил он Ушаковых.

Стало ясно, что речь шла об Иване Ушакове, что, сказывают, сбежал из гвардии в скит дальний. Мать не согласилась. Федя нечасто видел ее такой. Непреклонной, с горящими глазами.

– Нет, Федор, он же душу спасал.

– Душа в согласии с долгом должна быть, а он ее от обязанности увести хочет.

– Ты же знаешь, Федя, – мать положила руку на плечо отцу, – он в Бога по-истинному верил, ни одно богохульство не прощал, несправедливости не терпел.

Отец сбросил руку и разгоряченно зачастил:

– Брось пустяки молоть! Когда? Когда сие было? Он со

мною, бывало, и пил, и трубку курил, и плясал, и речи не для дамских ушей говаривал. Как он мог службу предать и бежать, нет, я ему не прощу...

– Ну и нашел, чем хвалиться: пил, курил, – совсем рассердилась мать, – он ведь не к ворогу перебежал, а к Богу!

– Бог тоже измен не прощает, – махнул отец рукой и встал.

Федя прислушался, о чем спорят отец и мать. Ему казалось, что изменять никому нельзя. Нехорошо это. Дядю своего, которого видел всего два раза, он любил, Богу верил, но долг, о котором говорил отец, и ему казался главным. Когда молилась мать, она все просила у Бога заступничества и сохранения ее сыновей и близких, а отец и перед иконой испрашивал побед Отечеству, армии и флоту.

– А ты, Федор, в преображенцы или тоже в монахи хочешь? – хмуро спросил отец.

– Не-е, батя, я бы во флот пошел...

Отец удивленно поднял брови, мать охнула:

– Сынок, да кто же тебя надоумил сему?

– Волга, – отвечал Федя с гордостью. – Я быстрее всех плоты вязать научился, плавать и под водой сидеть дольше всех с камышиной, гребу без усталости. Вот все ребята наши и соседские меня моряником и именуют.

Отец покачал головой, но не возразил: морская служба тоже государева, – и уже ласково шлепнул по спине:

– Иди погуляй! Поди, дед Василий голову заморочил.

Федя быстро вскочил:

– Я на Волгу со Степаном. У нас там верша закинута. Отец кивнул, но Степану разрешил лишь после того, когда тот закончит свое дело. Строгий преображенец, он по утрам давал задания («развод караула») всей семье и дворне. Сегодня день был трудовой, братья работали, завтра – учебный, монах из Островного монастыря будет читать с ними псалтырь и учить счету.

– Ты, Феденька, Никиту с собой заberi, – крикнула вдогонку мать, – он постарше да посильнее, защитит от злых людей, – объяснила отцу.

– Все ты их подолом прикрываешь, скоро в службу им, в ученье, а ты их в люльку обратно, – незлобиво ворчал Ушаков-старший, отбивая косы.

Феденька мчался по тропинке вдоль светлой и чистой Жидогости, сбивая прутом головки лебеды и ромашек, протыкая лопухи, вспугивая прозрачнокрылых стрекоз.

Корабельные сосны выстреливали своими ровными светло-коричневыми стволами в небо, шумя где-то там, очень высоко, зеленой хвоей. В лощинах и на равнинах толпились белые стайки берез. Пахло цветами, высыхающей травой, земляникой – словом, всем, что создавало аромат русского леса. Останавливаться Феде было некогда, да и лукошка не прихватил, а то бы до краев наполнил свежей пахучей земляникой, вон и летние грибы пошли уже.

Птицы сопровождали его от куста до куста своим немислимо веселым щебетом, а беззвучные бабочки не боялись

сесть на плечо и отдохнуть, когда он переходил кладку у ручья. Там он остановился, зачерпнул в горсть прозрачной холодной воды.

«Чудно здесь у нас, ладно. А каково оно, море-то?» — задумывался мальчик, задирая голову к верхушкам сосен и погружаясь в голубизну неба.

А вот и Бурнаково, его село, где родился и жил он вот уже семь лет. В Бурнакове всего пятнадцать изб, да и кругом-то Кузино, Алексеевское, Ярофеево, Дымовское, Петряново тоже не большие деревни, а селца, им да их близким принадлежащие. Лишь Хопылево на берегу Волги выделялось целым рядом добротных изб, дворянских и купеческих домов и церковными строениями.

На дворе отцовского дома Степана не оказалось, хотя поленница, которую отец поручил сложить, была еще не завершена. Федор завернул за угол и застал Степана за непотребным занятием. Тот выпотрошил из-под стрехи воробьиное гнездо и вершил казнь над птенцами. Голову желторотых воробьят он закладывал между пальцев и взмахом руки отрывал ее от тщедушного тельца, бросая все кошке.

Федя крови не боялся, на разбитые до костей колени не жаловался, раны на пальце замазывал грязью, даже курице, если просила мать, мог голову отрубить, но тут ему стало худо. Налетел на Степана с кулаками, сшиб на землю и в бессилии затих, когда вывернувшийся старший брат заломил ему руки за спину и, задыхаясь, выговорил:

– Ты, Федька, оглашенный, бешеный прямо! Тебе тварей безмозглых жалко, а брата чуть не убил из-за них. Набросился.

– Сам ты тварь безмозглая, – прохрипел Федя и замолчал. Степан отпустил его, отправился налаживать поленницу, а через час пришел к забившемуся в угол двора брату.

– Федька! Айда на Волгу. Верша там, поди, полна рыбой. И хотя радостное утреннее настроение исчезло, Федя согласился – на Волгу его всегда тянуло.

– Мамка сказала, чтоб Никиту взяли, – буркнул он. Степан удивленно посмотрел на брата: вот, оказывается, тот уже с разрешением шел.

– Чего ж ты тогда на меня набросился? – еще раз повторил он.

Федя не ответил, а закричал в сторону небольшого домика:

– Никита! Никита! Пошли с нами на Волгу. Мамка сказала. – Показался невысокий, но крепкий парень, дворový человек Ушаковых, лет шестнадцати, с топором в руках, постоял, кивнул и нырнул в сарай...

Дорога к Волге была красивой, зеленой и ароматной, но уже не такой радостной и звучащей, как раньше. Никита почувствовал, что между братьями черная кошка пробежала, и старался их развлечь рассказами про свои успехи в рыбной ловле.

– Я намедни сома во-от такого поймал в Жидогости.

Братья улыбнулись, не возражали, хотя Никита развел руки на всю ширину. В их любимой и теплой речке водилось все: и караси, и окуни, и щуки, и сомы, правда, может, и не такие, каким хвастался Никита.

В Хопылеве у отца была своя лодка, которую вытаскивали и оставляли для надзора у избенки бывшего петровского морского служителя деда Василия. Василий же на костыле и деревяшке умудрялся подниматься на горку возле монастыря и зажигать костер в ночное время, чтобы идущие по Волге ладьи, лодки, дощаники, каюки и другие речные суда не наткнулись на длинную и узкую отмель, намытую за церковью Богоявления. Говорил он, что на сей пост его поставил сам Петр Великий, когда проезжал по Волге и увидел одноногого моряка, что просил милостыню у монастырских ворот в Богоявленском. Вот тогда-то и указал Петр на этот холм и повелел жечь ему ночной костер для «ориентации судов». Правдой был сей рассказ или выдумкой, никто ни в Бурнакове, ни в Хопылеве, ни даже в самом Романово-Борисоглебске не знал. Однако три рубля ежегодно петровскому мореходу выплачивали. За что? Кто постановил? Не знали, но и отменять приказ не собирались. И горел над приволжской кручей от апрельских весенних дней до первой шуги знакомый всем кормчим, жожакам-лоцманам, бурлакам костер.

Находившись вдоволь на веслах, собрав улов с поставленных вчера Никитой и Федей вершей, братья вытащи-

ли лодку перед избенкой деда Василия и, насобирав кучу хвороста и сучьев, поднялись к нему на кручу.

Бывший петровский моряк уже затеял костер, подложил сухого мха, сена под маленькие веточки, уложил рядом кресало, камни и трут и с нетерпением поглядывал на небо, ожидая, когда загорится вечерняя звезда.

Федя, десятки раз бывавший на этом холме, с удовольствием разместился рядом с ночным дозорным.

– Деда, расскажи, како ты при Гангуте сражался, како шведа пленял.

Тот, однако, не спешил, он все еще про себя доспа-ривал со старообрядцем, коих много было на той стороне Волги.

– Он мне вот говорит, что табак – зелье бесовское и уста им осквернять нельзя. Кто трубку в себя пихает, тот сам себя осуждает.

– Слушай ты их, дед! Они, козлы старые, ничего в новом мире не смыслят, – перебил его Степан.

– Не-е, ты их не осуждай, они грамотно и красиво по старым книгам рассказывают.

– Ну так каждый может научиться, – не отставал Степан.

– Не-е, над старцем не смейся, ноне старец бывое славит и правоту возвращает.

– Вот же, сам только на них ругался, – хохотнул Степан.

Дед Василий рассердился, не захотел более с ним разго-

варивать и обернулся к Феде:

– Слушай, я тебе старинную историю расскажу.

Историю эту, о российском матрозе, Федя тоже слушал уже не раз, но дед добавлял к ней неслыханные ранее подробности, чем превращал ее каждый раз в новую сказку. Рассказывал дед Василий ее на разные голоса с остановками и оглядыванием слушателей, ища отклика.

– Так вот, поведаю я вам историю о российском матрозе Василии Кариотском и о прекрасной королеве Ираклии Флоренской земли. Василий-то Кариотский родом был

из Российских Европий, на морскую службу поступил, стал матрозом. Вначале прозывали его на корабле, и прозывали зело нелестно, но он учился много и упорно и все мореходное дело изучил. То было замечено, – обвел всех взглядом, как бы ища подтверждения, что ревностная служба замечается, – и его направили за науки и услуги в Голландию, для овладения знаниями арихметическими и разными навыками. А там его и Цесарь заметил, пригласил к себе российского матроза.

– Ну а не ты ли это сам был? – хитро подмигнул Степан.

– Помолчи, то мог быть любой русский матроз, храбрый и умелый, а кто был тот, то будет ведомо. Так вот... приехал он во дворец к Цесарю. И был принят от Цесаря с великой славой, подобно яко некоторый царевич... Василий нанял себе в лакеи пятьдесят человек, которым надел ливреи с весьма

богатым убором, карету приказал заложить золотокованую, и Цесарь, – поднял вверх палец дед Василий, – повелел министрам, а потом и камергерам неотступно быть при Василии. Цесарь стал сажать российского матроза кушать, Василий отговаривался. Тогда Цесарь и рече: почто напрасно отговариваешься? Понеже я вижу у тебя разума достаточно, изволь садиться. Во как за матрозом ухаживал!

Дед Василий вскочил, проскакал на култышке к обрыву и осмотрел горизонт: не загорелась еще звезда?

– Вот так он и жил, пока не попал на остров неведомый, в крушение. А на том острове непроходимый лес и великие трясины. Российский матроз попал туда, и пошел по берегу моря, и нашел тропу в лесу, яко хождение человеческое, а не зверское. Там он и увидел разбойников, играющих в разные игры и музыки, пьяных.

Солнце садилось в красные тучки, ветрено будет завтра – потянулись над Волгой уточки, накапливался в лощинах туман, а петровский служитель рассказывал невероятные истории, приключившиеся с русским матросом: о том, как разбойники сделали его, молодца удалого и острого умом, своим атаманом, и о том, как захватили они казны, и товары, и флорентийскую королеву, которая влюбилась в Василия. И о том, как влюбился в нее Василий.

– Спорили разбойники из-за нее, кому она достанется, и порешили, что порубят на части, чтобы никому не досталась, да и самого Василия решили порубить и разделить на пирож-

ное. Но Василий их перехитрил. Он в королеву хоть и влюбился, но сделал вид, что она ему безразлична. Плюнул и вон пошел! А сам разбойников уверил, что знает волшебный заговор, как захватить богатый корабль, коего не было. Сам же королеву похитил – увез. Дед Василий еще раз посмотрел на небо, взял кресало и ударил по кремню.

– Ту флорентийскую царевну снова пленницей взяли, а Василия чуть снова не погубили, но он скрылся. А флорентийская королева верность Василию сохранила, хотя ее подвенечное платье надеть заставляли.

Петровский страж ударил по камню, искры брызнули, трут затлел, и он поднял его вверх.

– Она платья подвенечного не надела и в черном платье поехала в кирху, где в бродячем арфисте и узнала Василия. Взяла она его за руку и посадила в карету, и повелела повернуть да ехать во дворец! Оженились. Там он и правит по сей день.

Дед Василий дунул в трут и ткнул его в сухую траву. Огонь вспыхнул, и костер обозначил путь тихо скользящей по Волге барке.

У божьего служителя

После первого смотра сыновей в герольдии Федор Игнатьевич решил им показать Петербург. Ему не терпелось взглянуть на места, где прошла его гвардейская молодость, мать хотела с пристрастием осмотреть петербургские лавки. Конечно, только осмотреть, ибо рассчитывать на большие покупки после дорогостоящей поездки, затрат на корм лошадей, на еду не приходилось. Степан хотел увидеть оружие и развод караулов, о которых рассказывал отец, а младший Федя непременно желал узреть море и корабли.

Петербург его, конечно, поразил размахом своим, пышными каретами, возками, кибитками, что сновали туда и сюда вдоль улиц. Но особенно восхитился Федя, когда увидел тихо прошедшую под парусами яхту на Неве, она вышла из туманной дымки от Петропавловской крепости и медленно скрылась за одним из островов. Море он так и не узрел, далеко надо было ехать, отец не захотел.

– Пойдем сегодня в Александро-Невскую лавру, – сказал он в ответ на просьбу Федора. – Повидаем хоть этого несчастного, – проворчал он, взглянув на мать. Та промолчала, а Федор догадался, что пойдут к Ивану Игнатьевичу, о коем в доме часто заводили разговоры...

Когда вступили в главный собор Лавры, все как-то уменьшились в росте, притихли, поставили свечи во здравие и за

упокой.

– Где тут Ушаков Иван служит? – обратился отец к приглядывающему за порядком монаху.

– У нас такого нету.

– Как нет, он тут с позволения императрицы у вас пострижен.

– А каково имя-то принял? Не Федор?

– Федор, кажется.

– Ну так ему досаждать не велено. И ныне он при деле богоугодном.

– А что за дело-то?

– Он при кружке подношений. А вы кто ему будете?

– Я брат родной, а это его племянники.

– Ну, то дело другое, – монах оглянулся по сторонам. – У кружки его сама императрица поставила. Он сие дело свято исполняет, и народ к нему валом валит. А нашіто отцы и взревновали.

– Пошто народ-то идет? – с удивлением осведомился отец. – Аль святость в нем невидимая ранее появилась? – робко уже пошутил.

– Святой он! Святой! – с убеждением отвечал монах. – Подлинное благоговение вызывает у прихожан постным своим видом и добродетелями. Он в постоянном посту, молитвах и делах время проводит, сказывали, сам цесаревич Петр, – поднял вверх ладони и значительно посмотрел на начинающих робеть родственников, – Петр Федорович гова-

ривал: в Александре-Невской лавре один монах – Ушаков! Пойдемте, я вас к нему отведу.

Он повел их к тому месту, где были прикреплены кружки для пожертвований, и вполголоса продолжал:

– Отцу Федору это дорого стоило. А его бессребреничество привело к тому, что все монетки до одной из пожертвований шли в казну церковную. А тут народ почувствовал, что сему монаху можно довериться. И шли к нему мужи с женами и детьми и просили, как быть им с детьми, в миру живущими. Он отказывался советы давать, отсылал к учителям монастырским, однако его вера убеждала и заповеди призывали: «Требующим от тебя помощи – не отврати». А так как живущие в нашей обители люди ученые, то видывали и начали вменять ему в обиду, что, миновав их, людей ученых, люди идут к простому старцу, и от них к нему зависть и ненависть. Они даже к митрополиту самому обратились, и тот запретил вход всем, кто говорил, что к Федору. Вот он! – с почтением кивнул головой монах на высокого худого чернеца, читающего негромкую молитву. Верующие, среди которых было особенно много молодых женщин, кланялись в такт его размеренному голосу. По окончании молитвы одни стали развязывать узелки, расстегивать карманы и кошельки, доставая оттуда монеты, другие сразу потянулись к кружкам, бросая туда зажатые в кулаке пятаки. Чернец поклонился людям и, выпрямляясь, встретился взглядом с Ушаковыми.

– Вот и хорошо, что пришли в храм Божий помолиться, – по-доброму, будто и не расставались, сказал он. – Пойдемте ко мне в келью, орешков детям дам, для белок припас. И зашагал неторопливо через двор к крайнему каменному строению. Стоявшему у входа и не пропускавшему их внутрь монаху сурово сказал:

– Сродственники. Брат мой родной с детьми. Монах в нерешительности огляделся и махнул рукой.

Когда зашли в келью, Федя поежился, – было прохладно и пусто, лишь в углу стоял сбитый из досок топчан да в другом висела икона с лампадой.

– Хорошо, что пришли, – повторил Иван, – попрощаемся, ухожу я в Саровскую пустынь.

Мать всплеснула руками, из глаз ее катились слезы. Отец сурово взглянул на нее, хмурясь, спросил:

– Что ты там, в той пустыни, не видал? – и обвел руками келью. – Чем у тебя тут не пустынь?

– То верно, везде можно людям служить. Но собрал я, брат мой, духовное братство из многих людей и со своими духовными учениками и ученицами, холостыми мужами, вдовами и девицами, отправляюсь туда на покаяние и поклонение. Некоторые из них у святого Синода даже исходатайствовали разводы, чтобы с нами поехать.

– Где та пустынь-то? – спросил не особенно знающий святые места отец.

– За Арзамасом в дремучих лесах, – объяснил Иван и об-

ратился к младшему Феде: – Кем же ты будешь после герольдического смотра?

Тот зарделся и прошептал:

– Офицером морским!

– Всякая служба Богу угодна, – погладил его по голове Иван. – В миру будешь жить, мой отрок, а он бывает жесток и несправедлив. И моя судьба может послужить тебе уроком. Садитесь, – пригласил он всех, указав на топчан. Все сели, а Федя и мать, наверное, из почтения к святому человеку, остались стоять.

– Я ведь, ты знаешь, – обращался он почему-то только к Феде, – на военную службу был вчинен в гвардию. И здесь, в Петербурге, в таком славном месте увеселений и без особого тшания о своей душе служить стал, больше заботился о греховных сластях, коим с сотовариществом предавался. Однако же в один день, когда звучали вокруг нас, забавляющихся, гусли и свирели, паде внезапно один из товарищей моих на землю и умре без покаяния. То событие повергло мою душу в тревогу и боль. И решил я оставить всю сию жизнь мирскую и устремиться в полнощные края. Увидел я, что мир в нашем воображении не то, что божеской рукой создано, а то, что разумеем, что худое в мир грехом введено, а именно изменил мирские суеты, бесчестные другим примеры, вредные худыми людьми обхождения, всякие соблазны и препятствия к добродетельному житию, а потом решил я удалить-ся от мира и избрать себе состояние, в котором беспрепят-

ственно хочу упражняться в богомыслиях.

– Однако же кто-то должен землю пахать да державу от врагов защищать, – сказал отец.

– И я не говорю, что уйти надо в бездельность. И здесь и в Саровской пустыни мечтаю, чтобы были все молящиеся при рукоделии, отогнав себя от праздности. Дары Богу действием хочу нести и от нечистот мира действием освободиться.

– Куда же ушел ты тогда-то, Ваня? – робко перебила мать.

– А... – махнул рукой Иван, – где я только не был. Отослал слугу в Ярославль, и там возле города переоделся я из мирских одежд в черную, убогую, яко труднику пустынному суща. Возле города, уже переодетый, – возвел глаза вверх, – встретился мне на возке дядя наш...

– Никогда он мне этого не рассказывал, – удивился отец.

– Да он меня и не познал в худой одежде. И я тогда решил окончательно: так тому и быть. В двинских лесах в Поморье оказался, а потом в Плащанской обители в киевских местностях. Мне там настоятель отказал в келье, а затем и выдали наряду воинскому, как беспаспортного, привезли в Петербург и прямо к царице.

– Во как! – со страхом и восхищением присвистнул Степан.

– Да! Ведь из гвардии не бегали раньше.

– Вот именно, – хмыкнул отец. – Что же она тебе сказала? Чай, не погладила по головке.

– Не погладила, но и не отсекла. Вопросала: зачем ты из

полку моего ушел? Для удобства спасения моей души, ваше императорское величество, я ей ответил. Тогда она мне дивное слово сказала: «Не вменяю тебе побег в проступок, жалую тебя прежним чином, вступай в прежнее звание».

— Ну так что ж ты зевал-то? — окончательно разочаровался в брате отец.

— Я ей ответил тогда, Елизавете Петровне, государыне нашей: в начатой жизни моей, ваше императорское величество, для Бога и души моей до конца пребыть желаю, а в прежней жизни и чина не желаю. Она тогда и рекла мне: «Для чего уходом ушел из полку, когда к такому делу и от нас мог быть отпущен?» Я же ей сказал, если б о сем всеподданнейше утруждал тогда, то верно было бы и сейчас, как убогий утруждаю, как в том случае. Рекла императрица: куда желаешь? Я и сказал тогда: в Саровскую пустынь. Она и ответила: пусть. Только останься, побудь в Александро-Невской лавре у кружки. И был пострижен я и наречен в честь святого нашего ярославского Федора. Хотел бы я, чтобы деяния того святого осветили и тебя, отрок — осенил он крестным знаменiem Федю. — Чтобы на путях дальних твоих были свершения великие. Думай же всегда о Боге, о ближних. А еще кто о ближнем не радит, тот, наверное, и веру нашу отвергает. Люби человеков, с коими будешь, и ждет тебя победа.

Страшно как-то было Феде, в душе у него что-то затрепетало и позвало вдаль, в неведомый доселе мир.

Морской кадетский корпус

1761 год обозначил судьбу Федора Ушакова. Он поступает в Морской шляхетный кадетский корпус. Регулярное морское образование в России к тому времени уже крепко укоренилось. Морской кадетский корпус, куда поступил Ушаков, имел славные и боевые традиции. Начало его восходит к Навигацкой школе в Москве, учрежденной Петром I. Указ, подписанный 14 (25) января 1701 года, гласил:

«Великий Государь, Царь и великий князь Петр Алексеевич... указал именным своим... повелением в государстве... своя держава... на славу Всеславного... Бога и своего царствования, во избаву же и пользу православного христианства быть математических и Навигацких, то есть мореходных хитростно наук учению». Петр сам недавно возвратился из Голландии и Англии, где прошел курс кораблестроения и морского искусства. Навигация и стала его страстью, а строительство кораблей – любовью.

Но на любовь свою он смотрел серьезно и требовал этого от всех, кто связал свою судьбу с флотом.

Навигацкая школа получила в свое владение Полотняный двор в Замоскворечье, но не прижилась там, ибо тот был не приспособлен к астрономическим наблюдениям и обучению учеников.

Тогда Петр I передал Навигацкой школе Сухареву башню

и окружающие ее строения. В башне были достроены «верхние при школе палаты», расширены классы. В школу был объявлен набор. Однако в 1701 году ученика было всего четыре, и лишь 16 июля 1702 года она стала полнокровным учебным заведением. В то время в ней уже было 200 человек. Из «всяких чинов» ученики-охотники учились арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, навигации, астрономии, ведению шканечного журнала, геодезии, изучали различные морские навигационные приборы, всю морскую премудрость, «узнав этой науки сладость». Велено было принимать в школу детей всех сословий: дворянских, дьячих, подьячих, церковнослужителей, посадских, дворовых, солдатских и других чинов, в возрасте от 12 до 17 лет. Правда, потом оказалось в ней немало и молодых людей до 25 и больше лет, причем большинство из них были отнюдь не дворянские дети.

Замечательной фигурой, оставившей большой след в образовании русских морских офицеров, был Леонтий Филиппович Магницкий. Он был один из самых образованных людей начала XVIII века, написавший свою знаменитую «Арифметику», которая вывела многих русских молодых людей на путь образования и науки. Третья часть этой «Арифметики» была написана специально для моряков с освещением разделов навигации и астрономии. Именно эта часть и стала основой для обучения всех первых русских морских офицеров.

После Гангута Петр задумал учредить Морскую академию и Морскую гвардию и указом от 1 октября 1715 года решил перевести морское училище поближе к морю, в новую, расцветающую столицу России Санкт-Петербург. Морская академия разместилась в доме Кикина, находившемся по набережной реки Невы на месте Зимнего дворца, на углу, обращенном к Адмиралтейству и Главному штабу. «Кикин дом» – означало тогда учебное заведение русских моряков – Морская академия, которую называли и Академией морской гвардии.

Из Навигацкой школы в Москве и Морской академии в Санкт-Петербурге выходили офицеры, унтер-офицеры, пушкарки, кодиштурманы, констапели и матросы. Многие из них стали большими ревнителями просвещения, руководителями научных экспедиций, выдающимися картографами. Достаточно назвать выпущенный при их самом активном участии первый Географический атлас России, изданный в 1745 году Академией наук. Известны имена выпускников Морской академии Ивана Х. Кириллова, организовавшего не одну экспедицию для описи северных и восточных берегов России; Михаила С. Гвоздева, бывшего геодезистом на боте «Святой Гавриил» в экспедиции Беринга и первым вместе с подштурманом И. Федоровым описавшим северо-западную оконечность Америки и составившим первую карту Берингова пролива; Семена Челюскина и Харитона Лаптева, описавших многие версты северосибирского побережья;

Алексея Чирикова, прошедшего по северо-западным берегам Америки и нанесшего их на карту. Известны России были и другие выпускники академии: будущие адмиралы Семен Мордвинов и Григорий Спиридов, Василий Чичагов, контр-адмирал Воин Римский-Корсаков.

В период после Петра, особенно во времена бироновщины, российский флот захирел, ослабло и дело морского образования. Лишь при Елизавете были сделаны шаги к восстановлению могущества флота, к улучшению подготовки морских офицеров. 15 декабря 1752 года состоялся указ, по которому был учрежден для «государственной пользы *Морской шляхетный кадетский корпус*». Этим самым Академия морской гвардии переименована в Кадетский корпус по образцу Сухопутного корпуса, и, самое главное, существенно были увеличены ассигнования на его содержание.

Однако Московскую навигацкую школу в 1752 году Адмиралтейств-коллегия постановила «пресечь» и дворянских детей перевести в Морской корпус, разночинцев – в портовые мастерские.

В число воспитанников корпуса включены были гардемарины, до этого содержавшиеся на собственном коште.

Корпус был разделен на три класса, составляющих три роты. Кадеты его «за высокие успехи в учебе» выпускались в офицерском звании мичмана. Другие, не прошедшие до конца курс, пополняли корпус морской артиллерии, портовые службы, научные экспедиции. Для перехода из класса в класс

необходимо было пройти широкий и разнообразный курс наук. Достойные переходили из третьего класса во второй и из второго в первый «по знанию». В первом классе кадеты получали звание гардемарина («морского гвардейца» – по-французски). Гардемарины должны были проходить практику в море. Некоторые из них ходили на иностранных судах в Ост-Индию, Вест-Индию и Америку.

Знания для того времени кадеты получали отменные. Математика и астрономия, кораблестроение и такелажное дело, иностранный язык и танцкласс, картография и «художества». Командиры академии были люди широких, державных взглядов, обычно неустойчивые и предприимчивые труженики во благо русского флота. Вначале это были петровские вельможи А. А. Матвеев, графы Ф. М. Апраксин, А. Л. Нарышкин, Д. Вильстер, князь В. А. Урусов, П. К. Пушкин, А. И. Чириков, А. И. Афросимов и А. И. Нагаев.

А. И. Нагаев принимал с самого начала деятельное участие в образовании Морского шляхетного корпуса и восемь лет был его директором. Собственно, директором Нагаев не был, а управлял на его правах восемь лет. Человек он был решительный, наводил порядки твердой рукой и даже вошел в столкновение с Адмиралтейств-коллегией, исключив «за неприлежностью» 60 учеников, «не способных к наукам» и дурного поведения, взамен них принимал новых, направленных из герольдий. Нагаев сформировал новый состав учителей и представил Адмиралтейств-коллегий список

морских офицеров: Петр Чаплин, Григорий Спиридов, Харитон Лаптев, Евстафий Бестужев, Иван Голенищев-Кутузов, Егор Ирецкий, Иван Шишков и другие. Этот состав в немалой степени застал и Ушаков.

В 1760 году Нагаева сменил капитан 1 ранга А. М. Давыдов, «привести корпус в должный порядок» Адмиралтейств-коллегия поручила Ф. С. Милославскому, хлопотавшему об увеличении средств, расширении прав директора, об улучшении преподавания иностранных языков, работы типографии и отводе места для корпусного огорода... Моряки должны были сами себя прокормить в то неустойчивое время. Однако в 1762 году деятельность Морского корпуса чуть не прекратилась. Петр III повелел учредить из кадетских корпусов (сухопутного, морского) один, поручив его «в управление Главного директора Ивана Петровича Шувалова». Передача служащих и воспитанников в единый корпус была остановлена через несколько месяцев, уже по волеизъявлению на престол Екатерины. Нет нужды описывать, как довольны были будущие морские офицеры этому и сколь горячо приветствовали решение императрицы, высказанное в Сенате «отделить Морской корпус от сухопутного».

В 1762 году Морской шляхетный кадетский корпус принял под директорство капитан 2 ранга Иван Логинович Голенищев-Кутузов, ставший позднее адмиралом и даже президентом Адмиралтейств-коллегии. Под его началом Кадетский корпус начал расцветать.

Таким образом, Ушаков захватил как бы два периода: когда вообще ставился вопрос о целесообразности существования Морского кадетского корпуса и период его расцвета. Захватил он плац-парадную муштру при Петре III и заботливое желание педагогов и командиров приобщить кадет к самым последним достижениям мореходных наук.

Голенищев-Кутузов оказался недюжинным организатором. Он взялся организовать теоретическое обучение, наладить практические навыки. Пригласил лучших преподавателей, очертил круг их обязанностей. В первую очередь определил обязанности профессора математики и навигации, от которого потребовал «обучать кадет высшим наукам», «учителям давать наставления», а «ученикам большой астрономии читать лекции в математических классах». Из учеников большой астрономии выросли будущие преподаватели, а из математических классов после различных перемен выросли офицерские классы при Морском корпусе (впоследствии Николаевская морская академия).

Кадет обучали французскому, английскому и немецкому языкам, так как «и знание иностранных языков очень нужно для морского офицера в его службе, ибо морской офицер в своей службе имеет частые сношения с иностранцами и, кроме того, для достижения совершенства в своем искусстве должен читать иностранные книги о мореплавании, каких книг на русском языке, кроме самого малого числа их, вовсе нет». До этого обучение языкам велось из рук вон пло-

хо и, по словам И. Л. Кутузова, «от начала корпуса с 1752 года ни единого офицера, знающего иностранные языки, из оного не выпущено». Возможно, и преувеличивал, дабы подчеркнуть свое рвение, новый директор, но доводы его были убедительны, и Адмиралтейств-коллегия увеличила число учителей иностранных языков. Кутузов «демократизировал» корпус, обратившись с просьбой оставить при нем 50 учеников из низших сословий, из так называемой «русской школы». Директор видел в них «рвения великие» и предлагал производить самых способных в учителя, других в типографские служители при Морском корпусе, мастеров для инструментальной мастерской, «адмиралтейства» или «для художеств».

Адмиралтейств-коллегия с доводами Кутузова согласилась и, более того, решила восстановить при корпусе геодезический класс «для описи берегов и земель, снятия планов, описи лесов и т. п.».

Наконец-то зажглись свечи в учебных классах по вечерам. Коллегия щедро отпустила их для корпуса. Весело затрещали дрова в печках, выделенные «для сугрева». (На одежду, амуницию выделили значительно больше средств.) В Морском кадетском корпусе потеплело, стало уютнее, интереснее и лучше. Появились талантливые преподаватели. Чего стоил один Григорий Андреевич Полетика, окончивший Киевскую духовную академию. Он отличался высокой эрудицией, настойчивостью, системностью в преподавании, изложе-

нии наук. Именно он предложил расписание занятий, которое утвердил Кутузов. Воспитанники ходили в классы на занятия с «7 до 11 часов утра и с 2 до 6 после обеда». Математические и «морские» трудные науки преподавались утром, а словесные науки и более легкие «морские» – вечером, ибо, как говорил Полетика, «труднейшие науки, требующие большого умственного напряжения, лучше усваиваются утром». Кроме того, Полетика был блестящим, как сегодня бы сказали, методистом, добивавшимся, чтобы по всем преподаваемым предметам были печатные руководства, поднимал власть и авторитет учителя, умело поощрял прилежных и наказывал нерадивых. Да и сам он корпел над сочинениями, ему приписывали известную «Историю Русов».

Восхищали многих учеников Санкт-Петербурга лекции по астрономии и математике профессора Котельникова, ученика знаменитого Эйлера, нередко проводимые ночью в обсерватории, расположенной на здании корпуса. Об образованности Котельникова и бывшего начальника батальона профессора Н. Г. Курганова, преподававшего в корпусе, ходили легенды. Математические и морские науки он нередко читал на французском и немецком языках, которые знал в совершенстве, отсылая к английским и латинским книгам, прочитанным им самим. Да и сам директор Кутузов был человек начитанный, образованный, с четким представлением о целях воспитания морских офицеров и «служителей моря». Он хорошо знал немецкий и французский языки, ино-

странную и русскую литературу по кораблевождению и кораблестроению, плавал в молодости и по собственному опыту знал все недостатки теоретического и практического образования морских офицеров. Поэтому столь точны и плодотворны оказались его усилия по обучению выпускников теории и практике морского искусства. Именно он ввел должность морского капитана для обучения «морским эволюциям» с жалованьем 600 рублей. «Капитану этому иметь практический класс, — писал он, — т. е. обучать морской практике, объяснять случаи, бывающие в морской практике, на имеющихся в корпусе моделях кораблей, показывать на вооруженном корабле употребление такелажа и корабельных орудий в поворотах корабля и прочее, до того надлежащее; на модели профиля корабля показывать внутреннее расположение корабля и что где при нагрузке вмещается; этот же капитан может быть посылаем для обучения гардемарин и кадет действительной практике, показывать опись берегов, вымеривание фарватеров, положение берегов на карте, показывать на самом деле поверку компасов, употребление морских инструментов, как делать обсервации, развязку лиглия и поверку часов. По возвращении из похода капитан этот экзаменует гардемарин и кадет, какое приращение они на море сделали в своих морских познаниях, одним словом, его должность пещися обо всем, что делает морского искусного человека в практике».

Усилия Кутузова, Адмиралтейств-коллегий привели к то-

му, что в 60-е годы Морской шляхетный кадетский корпус стал одним из лучших учебных заведений России: из его стен в эти годы вышли офицеры, которые стали красой и гордостью державы, принесли ей выдающиеся морские победы в XVIII и начале XIX века, способствовали расцвету мореплавания. Прежде всего это замечательный русский флотоводец Федор Федорович Ушаков, поступивший в Морской корпус в 1761 году и выпущенный из него в 1766 году по получении звания мичмана. Учились в нем и прославленный герой Чесмы Дмитрий Ильин, и землепроходцы Севера Алексей Скуратов, Макар Ротманов, удалой капитан 1 ранга Кожухов, бравший Бейрут в 1773 году, взорвавшийся, не сдавшийся врагу капитан Сакен, легендарный Дмитрий Сенявин и вдохновленный Иван Крузенштерн, язвительный мудрец, вельможа и просветитель на английский манер граф Николай Семенович Мордвинов, вице-президент Адмиралтейств-коллегии при Павле I Г. Г. Кушелев, известный гидрограф и ученый Гавриил Сарычев, небезызвестный министр просвещения, президент Российской академии адмирал Александр Шишков, герои русско-турецких войн Гавриил Голенкин, Павел и Семен Пустошкины, прославившийся дальними плаваниями на шлюпах «Диана» и «Камчатка» Василий Михайлович Головнин и другие.

Не раз пути прославленного флотоводца Ушакова пересекались с теми, кто закончил курс вместе с ним, раньше или позднее его, но кто на всю жизнь сохранил память об

этом подлинном храме морских наук, где вызревала любовь к Отечеству, флоту и морю, об очаге, где возгоралась будущая слава героев России.

Кикин дом

– А ты, любезный, будь добр, подай мои ботины, – покровительственно и доброжелательно протянул краснолицый гардемарин с пробивающимися светлыми усами только что определенному в Морской шляхетный корпус Федору Ушакову. Федор смутился, покрылся краской, но ботины подал, вопросительно взглянув на гардемарина.

– Вот так, голубчик, будешь исполнять все мои приказания, – старался тот говорить солидно, с хрипотцой.

– А ты кто будешь? – нерешительно спросил Федор.

– Я твой «старикашка», а ты мой «рябчик», – важно ответил светлоусый, и на глазах у изумленного Федора зачихал в ноздри кусок душистого табака.

– Не пойму что-то. Нам сегодня на плацу внушали, что командиром моим есть корпусной офицер Егор Ирецкий и его приказы я должен выполнять. А о «рябчиках» и «старикашках» слыхом не слыхивал.

– Вот будешь ныне знать, кто твой истинный начальник. У нас, у кадет, тут свой устав имеется. Да ты не сомневайся, то правило испокон веков. Лучше скажи, у тебя деньги есть?

Федор замялся, помнил, матушка наказывала никому об этом не говорить, но тут-то скрываться нечего, своя братия, морская.

Ответил:

– Есть немного.

– Ну так вот, давай сигани на угол от Кикиного дома. Купи бутылку, сбитня и яблок и тащи сюда. Да так, чтобы офицер не заметил.

Федор наморщил лоб, подумал о деньгах, но спросил не об этом:

– А пошто дом-то Кикиным зовется?

– Э-э-э, то дело давнее. Первый дом у Морского корпуса, что тогда академией звался, был отобран, аль куплен у купца Кикина на Неве. С той поры и нас там нету, и дом-то снесен, и корпус в другие места переехал, дом Миниха обжил, а все про наш корпус Морской говорят – Кикин дом... Так ты давай на угол, валяй.

Федор вздохнул, поморщился от своей несговорчивости и обреченно протянул:

– Не-е... Не пойду. Мне батюшка не велел расходовать. До Нового года не пришлют больше.

– Ты что, негодник! – завращал глазами светлоусый гардемарин, чихнув от табака. – А ну беги быстрее в лавку, пока тебе тут не высыпали горячих.

– Не-е. Сказал не пойду, значит, не побегу. Я батеньку привык слушать. – И, повернувшись, пошел к выходу. Сильный и неожиданный удар под коленки и в спину подкосил его. Он упал на дверь и, вытянув руки вперед, вылетел в коридор под ноги ротному офицеру. Тот едва отскочил и тут же, стремительно приблизившись к лежащему Федору, сгреб

его за воротник, приподнял перед собой.

– Ты что, недоумок, – так дразнили в корпусе кадет первого года обучения, – наук не постиг, а уже бунт поднимаешь, на офицера нападаешь! – загремел он. Из разбитого носа Ушакова капала кровь, на лбу расплывалось пятно синяка. Офицер, не умея смягчить голос, сипловато-хрипло рыкнул: – Ты что – ядро? Или пуля ружейная? Может, тебя кто толкнул сзади?

Федор пришел в себя, тяжело вздохнув, не глядя на офицера, сказал:

– Не-е... Разбежался и прыгнул... Сам упал.

– Сам? Ну тогда караул вне очереди.

Вечером, когда он проходил по длинному корпусному двору, его обогнал светлоусый и дружески хлопнул по плечу:

– А ты малый крепкий, «не задорный». Будем дружить. Меня Яковом Карташевым кличут.

Потом уже узнал Федор, что «задорными» называли в училище тех, кто жаловался на своих товарищей, доносил о своих обидах офицерам. Ни разу не испытал он на себе сурового наказания, которое применялось к «задорным», когда с ними никто не говорил и не останавливался. То была невыносимая мука, когда к несчастному жалобщику поворачивались спиной, удалялись как от зачумленного. Лишь победоносная драка да удалое молодечество во время плаванья смывали позор с «задорного». В тот первый день Федор нутром почувствовал необходимость исполнения морского

закона – закона спайки и братства, но подчинения кулаку не принял.

...На следующий день выдавали одежду и амуницию. Зеленый кафтан Федору нашли сразу, а штаны не подходили – все были коротки.

– Эко тебя угораздило! – беззлобно ворчал каптенармус. – Малые дать – порвутся скоро, а мундир на два года выдается. Будешь целый год распоротым. Что за кадет из тебя тогда. На вот, возьми еще суртук, тоже зеленый, для всedневной носки. Кажен день носи и следи, дабы не порвался. Он, правда, крепок, из солдатского сукна делан. Наконец последним оделся и Федор. Вскоре получили тесаки и ружья. И еще рыхлым, невыровненным строем встали новички перед зданием Морского корпуса. Из каменного флигеля вышел на высокое крыльцо поддерживаемый под руку двумя офицерами толстый дядька. «Милославский, Милославский! Сам контр-адмирал!» – прошелестело по рядам. Мрачно поглядел на кривую шеренгу неопрятно одетых первогодков-кадет и, сморщившись, брезгливо сказал:

– Строю! Строю учиться надо! Сейчас морякам не до моря. В сухопутчиков обращают. Запомните сие время, когда вас могут лишить морского состояния.

Кадеты испуганно молчали, не понимая, о чем говорит контр-адмирал. Сурово молчали и офицеры. Они-то знали, что грозит морскому сословию. Милославский поводил глазами по строю и, остановив взгляд на выделяющемся Уша-

кове, громко спросил:

– Вот ты, недоросль в плечах знатный, зачем сюда, в наш Морской корпус, подался?

– Я, ваше превосходительство, еще в деревне по-морскому думал и в сухопутчики не пойду, лучше уж в брадобреи.

Строй недружно засмеялся. Милославский склонил голову и одобрительно покивал:

– Похвально! Похвально, братец. Но ты нынче берегись, кабы тебя самого не побрили на голыптинский манер! – И тоже заколыхался в смехе, довольный своей смелой остротой...

...Проявивший дружелюбие к Федору с того часа, когда тот не выдал его, Яков Карташев вечером пояснил:

– Проект у голыптинцев императора Петра III созрел: слить всех кадетов в единый корпус под управлением графа Шувалова. Нас, моряков, своего первородства лишить задумали.

– Пошто надобно-то сие им?

– А как же! Российский флот всем немцам поперек горла стоит, еще со времен Великого Петра. А особо когда Мемель и Кольберг у них отбили. Радетелей у него мало осталось. Вот ты – малый с характером, – продолжал Яков, – а готов всю душу отдать российскому мореплаванию? Готов служить морю без отдачи?

Увидел, что Федор непреклонно повел головой, кивнул ему.

– Поклянись тогда! Побожись, что не отступишься от моря – в наше братство войдешь.

Федор о братстве не ведал никак, но морю был уже предан, жаждал сродниться с ним навсегда. Вырвал волос из головы, окрутил вокруг пальца и тихо сказал:

– Не отступлюсь от дела морского, от Веры нашей, от Отечества русского! Служить им буду вечно и неустанно! Аминь!

На кронштадском эллинге

Через месяц повезли их в Кронштадт в эллинги, где строились корабли. Шум и суета были тут превеликие. Ухала баба, забивающая сваи, скрипели оси нескольких десятков телег, развозивших канаты, бочки со смолой, доски, конопать, солдат и каторжников, вырывался со свистом пар из сушилок, ходили вверх и вниз пилы, взлетали там и сям топоры, раздевая своими железными клювами последние одежды с бревен, что еще недавно были звенящими раскидистыми зелено-золотистыми соснами. Кадеты небольшой стайкой сгруппировались у ребристой туши почти построенного корабля. Из-за него вышел офицер в форме Преображенского полка и, доброжелательно поглядывая на них, громко объявил:

– Уши сюда! Я, мастер корабельный Петров, вам объясню все предметы, принадлежащие к кораблю.

Он подошел к кораблю, любовно похлопал его по днищу и, перекрывая шум, уже строго, как на занятиях в корпусе, продолжил:

– Сегодня я вам дам наглядные уроки, что и как в морском деле называется. У нас, у мореходов, – он самодовольно улыбнулся, – есть свой язык, и вы его понять и запомнить на всю жизнь должны. Ну вот, – он показал на верхушку стоящей мачты, – каждого дерева, стоящего вертикально, верхний конец называется топом! Края же у деревьев, лежащих

перпендикулярно мачтам, то есть у ре-ев, называются но-ками!.. – Каждое слово морское, необычное мастер разделял на слоги, выделял паузой, вроде бы хотел, чтобы оно одно пожило на слуху, в память самостоятельно вошло.

– Всякая веревка, на время привязанная, называется при-креплен-ная. Когда же надобно ее ослабить или совсем отпустить, то говорится по-морскому: от-дать! Если что нужно наскоро или же что-либо на время привязать, то говорится: при-хва-тить!

По дощатому настилу, через отверстие в трюме, они под-нялись на палубу, с которой вдруг открылся чуть ли не весь Кронштадт и даже белеющий вдали Петербург. Петров, однако же, не дал любоваться видами, а подвел к хитросплетению канатов и веревок, опоясывающих мачты.

– Вот эта основная веревка через два блока вообще называется та-ли, который ее конец к блоку прикреплен, то – ходовая часть! Самый же конец, за который тянут, именуется – лопарь, обивка несколько раз какого-нибудь дерева или другого чего называется – найтов. Всякий узел называется кноп. Каждый железный крючок, – Петров с маху нахлобучил на один из них свою шляпу, – на корабле употребляемый, называется – гак. – Снял шляпу и тут же присел, ткнув в ребра корабля. – Необвостренные круглые длинные гвозди, коими крепятся части корабля, называются боуты! Такого же рода деревянные – нагели! Поперечные соединения досок, – Петров быстро перебежал вниз, увлекая кадет, – вот смотрите,

такие же, как эти, называются стык, а продольные соединения, как вот эти, – паз. Сложенная в один или много кругов веревка называется бухта, а когда вытаскивают какую-либо снасть и она, завязнув, где-либо препятствует произвести надлежащее действие, то говорят – за-ело!

– А у тебя что, тоже заело? – позвал Петров поднявшего голову вверх и взирающего через проем на мачту Федора.

– Да нет, вон та рея, сдается, плохо прикреплена, и в походе оно может сказаться.

– Не рея, а рей! Нижний рей! – с удивлением посмотрел на кадета Петров. – Правильно увидел, я им вчера еще об этом сказал, башибузукам. Пошли сейчас на корму, там изучим другое важное в деле нашем.

После обеда в Петербург возвращались на баркасе, гребли попеременно, устали, но было удивительно хорошо и радостно оттого, что увидели, как заботятся мастера о рождающемся корабле, их будущем доме, тщательно готовя для дальнего и опасного пути. И еще радостно было, что мастер Петров на прощание при всех руку подал и сказал:

– Глаз зоркий. Сие важно в деле морском. Никакую мелочь не упустить. Упустишь – корабль и себя погубишь. Точи глаз, кадет, на плохое, на недоделанное – оно и исчезнет, хорошее на его место станет.

Ваш бог – линия...

Шел 1764 год. Сумрачно и зябко было в осеннем Петербурге. Ударил колокол. Шесть часов утра. Кадеты выскакивали из деревянных флигелей, застегивали зеленые сюртуки на ходу, бежали в главное здание, где выстраивались в длинном корпусном коридоре. Дежурный унтер-офицер осматривал строй придирчиво и внимательно.

– Что, рук мыть не умеешь? – распекал первогодка. – А под ногтями огород развел? В камбуз для прочищения мозгов.

Остановившись рядом с Федором, придирчиво осмотрел всего с головы до ног. Удовлетворенно фыркнул и, скосив глаза на Гавриила Голенкина, резко выкрикнул:

– За непришитую пуговицу лишаю калача. Сегодня пуговицу – завтра пушку потеряешь. Рохла!

Глаза у кадета наполнились слезами, бормотал, ощупывая мундир: «Ведь была только что тут! Куда подевалась, злодейка!» – «Ладно, не реви! – тихо шепнул Федор. – Дам половину!»

Промчались в столовую, где надо было ухватить калач попышнее и кружку для сбитня побольше. Оттуда – в классы. Нужно заскочить в дверь раньше, чем ударит рында. Тогда хозяином коридоров становится Полетика, их вездесущий и ехидный инспектор. Прежде всего он остановит опоздавшие-

го и негромко, язвительно спросит: «Что, господин кадет, так и будете всю жизнь спать на ходу? Богу не успеете помолиться. Славу Отечества проспите». Если попался первый раз, Полетика расскажет о героях прошлого, о Цезаре, о Ганнибале, о прилежании Аристотеля, о том, что Великий Петр почти не спал, все бдел о благе России. А он, кадет, не может даже на занятие появиться вовремя. Что же из него за сын Отечества получится? Пристыженный кадет клялся не нарушать порядок, приучить себя вскочить до общего подъема, быстро помыться, поесть, за пять минут до того, как ударит колокол, сидеть в классе. Если же кадет попадался второй и третий раз, тут его ждала расправа: мыл и чистил он коридор, лишался ужина и даже устаивался порки по субботам. Порядок должен входить в кадет, как считали в корпусе, через все части тела. Федор заставил себя с первого года вставать точно в заданное время и почти ни разу не опаздывал на осмотр, завтрак. И не наказания боялся он, а приучил себя ценить время, организовывать, дисциплинировать. Знал, что точное и быстрое исполнение команды и приказа уменьшает усталость, сохраняет силы на дела, которые хочешь делать сам.

Сотворили молитву... Первый урок шел при свечах. Голова прочищалась. Математика укладывалась строгим и красивым ладом. Федор любил ее четкие законы, ему нравилось проходить через трудности обдумывания к решению, результату... Особенно удавались ему геометрия и тригонометрия.

Фигуры, что складывались в голове, переносились на бумагу, просчитывались, меняли свою форму, выстраивались одна за одной, почему-то принимали форму кильватерных колонн, строев эскадры и отрядов кораблей.

Затем целых два урока возились с секстантом. В обед старший гардемарин, раздавая кушанье, помахал Федору:

– Ушаков, сегодня приходи вечером на крышу.

Федор обрадовался, ему не терпелось посмотреть в корпусной телескоп. Ночные светила он знал на память, подолгу всматриваясь в небо и сверяя его со звездными картами! Говорят, что телескоп приближает их в десятки раз. Интересно!

...После обеда читалась история флота. И читал ее сам Голенищев-Кутузов. Иван Логинович следил за всем, что издавалось по морскому делу во Франции, Англии, Голландии. К лекциям он всегда готовился, собирался с мыслями, настраивался. Вот осмотрел развешанные карты, потрогал указкой глобус и, громко выделяя голосом страны и имена адмиралов, читал лекцию, не заглядывая ни в какие бумажки и книги.

– Уже у древних были настоящие военные флоты, – начал он. – Что значит сие? Имеет ли военный флот отличия от обычного? Без сомнения. То есть флот, состоящий из специально построенных и вооруженных на случай войны судов. Знаем мы первые военные флота у финикийцев, греков и римлян в море Средиземном, так как там переходы были

коротки с портов, бухт-убежищ и снабжения достаточно. В средние века военные флота возродились у турок, владельцев Иберийского полуострова, князей и республик Италии, у рыцарей мальтийских. Потом пришло время Франции, Англии, Голландии, Швеции и Дании. Ныне наступает время России. Для постройки и снабжения их существовали адмиралтейства с верфями, для управления ими – адмиралы и офицеры, для плавания – команды и галерные каторжники, при обращении с которыми обращалось главное внимание на укрепление ручных мышц. Потом появился парус. Наш верный брат и друг при ветре, наш недруг и враг, беспомощный пассажир при штиле, наш губитель при шторме.

В XIV столетии во Франции явились король и при нем адмирал, которые пытались в портах Ла-Манша создать мощный и непобедимый французский военный флот. Этот король был Карл V, а адмирал – Жан де Виенн. В то время еще не были знакомы с употреблением двух тогдашних изобретений – компаса и пушек. Позднее первое позволило мореплавателям с безопасностью предпринимать более далекие путешествия, второе же создало для боя новое и страшное оружие и в то же время заставило строить новые специальные суда гораздо больших размеров и крепости, чем прежние галеры.

Федор внимательно слушал, записывал в тетрадь, и голова его наполнилась знаниями, которые он хотел точно разложить «по нужности и похожести». Любил порядок во всем и в зна-

ниях тоже. Дивился, почему сразу не были открыты глаза у тех, кто делал пушки. Понимал потом, что, не постигнув одного, не сделаешь другого. Заставлял себя выстраивать знания в ряд, думал сразу, как их применить в плавании. Не все казалось нужным, что-то уплывало, другое оставалось в понятии, садилось на дно.

Кутузов продолжал:

– Понеже все морские нации признали разницу между флотом боевым и коммерческим, то все они и занялись усовершенствованием своей морской артиллерии, что стала главным представителем силы корабля.

Безопасство, правильность и скорость! Сие задача для каждого артиллериста. А для корабля главным стало количество пушек. От сего корабли стали грузнеть. Орудие большого размера становилось на нижних деках, и таковых деков стало на самых мощных три. Всей артиллерии корабли могли и не выдержать, откат колебал их, кренил, а посему крепость флортимберсов и толщина обшивки увеличились. Корабль стал больше, его осадка – глубже. Команда в каждом выросла, стала не менее 800 человек. Ежели раньше каждый корабль действовал сам за себя, то теперь надо было поддерживать друг друга, соединяя их усилия в эскадре.

Эволюция эскадр представляется весьма важным умением. Но для эволюции с 20, 30 и 50 кораблями нужны правила. Военный флот должен быть всегда готов не только дать отпор неприятелю, но и разгромить его. И его уход в море

и возвращение должны производиться в строе ордера баталии. С тех пор, как галеры стали меньше играть роль свою в открытом море, почти вся артиллерия военного корабля стала бортовой. Значит, корабль тем самым должен поворачиваться лагом к неприятелю. Кроме того, борт корабля не должен закрываться другим кораблем своего флота. – Иван Логинович поднял вверх палец и сделал паузу.

– Только одно построение может удовлетворить всем этим условиям, а это именно есть кильватерная колонна. Эта колонна есть единственное построение для боевой диспозиции и служит основой для морской тактики.

Он же торжественно, как дьякон в церкви, затянул:

– Ваш бог – линия! Ли-ни-я! Ли-ния киль-ватер-ная – вот бог морского командира. Дабы этот строй, представляющий длинную линию орудий, не мог быть расстроен или порван в каком-нибудь более слабом месте, есть необходимость иметь в этой колонне только суда с одинаково сильным бортовым огнем. То есть суда высших и одного и того же рангов. А каковы они? То только линейные корабли, из которых и должен состоять строй баталии. Назначение фрегатов и прочих иное. Итак, посмотрим, каковы были линии в славных битвах известных флотоводцев.

Кутузов подался ближе к схемам и заводил указкой по линиям, в которые выстраивались боевые корабли. Непременный закон морского боя, утвердившийся во всех флотах, прочно укладывался в головы будущих капитанов и верши-

телей тактики морских батальи...

Встреча на всю жизнь

Вот оно – море! С его крепким, вырывающим из рук парус, ветром, с серовато-бирюзовым покрывалом, нашивками белых гребешков, с приводящим в восторг простором. Нет, не зря он рвался в морское дело, не зря бредил во сне, подставляя лицо порывистым шквалам, не зря избрал смыслом – служение морскому флоту. И до этого первого выхода в Финский залив Федор бывал в Кронштадте, проходил тут корабельную практику, учился взбегать по вантам стоящей у прикола яхты, изучал «внутренности» и «наружности» кораблей, выполнял команды по управлению парусами, учился заряжать пушку и стрелять ядром и картечью. Но этот выход на новом линейном корабле, по местам победных боев петровского флота преобразил и захватил юношу. Все ладилось у него, все получалось быстро и точно, словно бывал он в таком походе не единожды. Тогда же с ним произошло что-то необычное. Какая-то неведомая сила наполнила его, в голове прояснилось и просветлело, виделось отчетливо и далеко, терпкость солоноватого воздуха наполняла грудь, дышалось глубоко и беспрепятственно. Может быть, тогда море, подчиняясь Божественной силе, и сделало его своим избранником, ибо многие годы после этого не ведал он усталости от изнуряющих и расшатывающих корабли и людей дальних переходов, не разрывала, не выворачивала его нутро качка,

не отравила его заплесневелая вода и вонючая солонина, не победил в открытом бою на морских волнах враг. Избранник моря не ведал тогда этого, отправившись в первое свое плавание на корабле «Евстафий» из Кронштадта к Гогланду. В первой половине дня пройти далеко вперед не удалось – дул крепкий противный ветер. Капитан Степан Мартынов искал выгодный галс, заставляя матросов по несколько раз карабкаться вверх по реям.

– Опять мордавинд сегодня загоняет, – мимоходом бросил боцман, когда Федор дублировал очередную команду капитана. Непочтительность к старшему не понравилась. «Негоже так про капитана».

– Мутит, господин гардемарин? – покровительственно спросил ловивший каждое слово капитана боцман. Федор помотал головой.

– Да вы не бойтесь, траваните, и все будет ладно, – продолжал боцман.

– Ну что ты пристал? – начал сердиться Ушаков. – Не мутит меня.

– Вы не думайте, что то стыдно для моряка, – не обращал внимания на раздражение Федора боцман. – Вон все делают.

Действительно, то один, то другой гардемарин бегал в галюн и освобождался от изнуряющей тошноты. Ушаков же не чувствовал никакого неудобства внутри, качающаяся палуба удобно подставлялась под ноги, он цепко держался за ванты, когда «проигрывал» за матроса, нутром чувствовал,

когда надо попридержаться, а когда потравить лишь, как точно сбалансировать на качающейся рее. И даже вахта, которую он дублировал, не казалась ему неудачной. А вахта досталась ему самая плохая, с двух до шести утра, когда слипаются глаза, пронизывает сыростью ветер, пугает неизвестностью темнота и как-то подозрительно скрипит корпус корабля, о который тревожно и гулко бьется волна, а ключья тумана скрывают не только далекое побережье, но и выдающийся вперед бушприт. Команды Ушаков старался отдавать четко и отрывисто, как делал это капитан. Голос, однако, ломался, возникали паузы, он лихорадочно думал, что еще надо предпринять. Капитан же, стоявший, казалось, целые сутки за спиной гардемарина, одобрительно отзывался о его действиях: «Молодец!» Ушаков думал, что вот и он, наверное, если бы вел корабль, не спал бы вовсе. А спать-то надо, лишать себя бодрости негоже. Приучал себя и в корпусе, и здесь засыпать сразу, открывать глаза за пять минут до пробудки, а еще просыпаться, если что-то опасное назревает.

Стало светлеть. Ветер переменился, и надо было ложиться в дрейф. Отдал команду. Вахтенные и подвахтенные за карабкались наверх, распуская одни снасти, освобождая паруса и прикрепляя фалами другие. Покряхтывая и перекликаясь, соскакивали матросы на палубу.

– А ну, Серафим, проверь, вторая справа развязалась, кажись! – Боцман подтолкнул обратно вверх спустившегося последним русого новобранца. Тот побледнел, с мольбой

взглянул на боцмана и гардемарина, затем обреченно шагнул к матче. Лез он тяжело, судорожно обхватывая переборки, долго не отпуская их, вроде бы пробовал на крепость.

– Сопля тамбовская! Чего тыкаешься носом? Не тащись! Лётом! Лётом иди!

– Зачем ты так, Андреич! – оборвал его Ушаков. – Он же первый раз в море.

– Дак и надо первый раз кричать, чтобы он крику боялся, а не высоты, – упрямо не согласился боцман и снова закричал: – Леший тебя дери! Куда ноги суешь! Выше! Выше!

– Этим не поможешь, – резко сказал Ушаков. – С ноги собьешь.

Новобранец замер – надо было переступить на горизонтальную перекладину. Одной рукой он держался за переборку и должен был ступить на качавшуюся в такт волнам рею. Но тут силы его оставили, он оступился и повис над палубой. Боцман с опаской взглянул на Ушакова и крикнул: «Разобьется!»

– Полотно! Полотно под него, быстро! – скомандовал вышедший из-за спины Ушакова капитан. Моряки проворно растягивали полотнище парусины под реем, взявшись за углы и подняв головы к болтающемуся новобранцу.

– Пускай! Бросай палку! – закричал боцман. – Падай вниз!

Новобранец висел на одной руке, и чувствовалось, что никакая сила не сможет расцепить его пальцы.

– Эх! – мотнул головой Ушаков и проворно полез вверх.

– Куда вы, господин гардемарин, расшибетесь! – неуверенно крикнул боцман.

Ушаков же стремительно, не глядя под ноги, быстро добрался до новобранца. Схватил за парусиновую рубаху, намотал подол ее на руку и подтянул его к себе...

– Ставь ногу... Вот... Вот... так, – приговаривал он. – Еще сюда... А теперь переступи сюда... Еще! Еще, не бойся. Видишь, я же с тобой.

Матросы с удивлением и радостью смотрели, как Ушаков вместе с незадачливым моряком передвинулся вперед по рее. Они что-то подергали там, подвязали и тихо возвратились к мачте.

Первым спустился на палубу гардемарин, через мгновение новобранец. И тут же получил крепкую оплеуху от боцмана.

– Что ты буянишь, Андреич! – закричал Ушаков. – Учить надо, дабы высоты не боялся, а ты волю рукам даешь. Прекрати.

– Я ему, ваше благородие, легонько, чтобы в себя пришел, – оглянувшись на подошедшего капитана, без опаски разъяснил боцман. – Из-за него все нутро перевернулось. Да и за вас было боязно.

– Прекрати, Андреич, сие учение. А ты, братец, неплохо затем держался на рее-то, и сила в руках есть. Но ты не силу, а ловкость применяй. Добрый из тебя моряк получится,

вот увидишь. Откуда сам? – спросил Мартынов. Новобранец вымученно улыбался.

– Тамбовские мы!

– Ну вот и отлично. Чарку вина ему горячего.

– Похвально лично действовали, господин гардемарин, – обернувшись, сказал капитан. – Но матросов не портите. Боцманов кулак тут у них главный учитель, а вы боцману команду отдавайте, он их все по полочкам разложит.

Ушаков ничего не ответил, глядел вперед и про себя думал: «Кулаком напугаешь, а не научишь, пожалуй, все должны командирскую волю разуместь, а для него это плавание наука большая».

Вахта закончилась. Мундир отяжелел от залетавших мелких брызг, от утренней туманной ночи. Но сушить его на корабле было негде – огня не разводили, в каюте, где разместились в подвесных койках гардемарины, было холодно и сыро. Лишь к полудню, отдохнув от ночной вахты, Ушаков на ветру просушил мундир и согрелся. Обедали офицеры и гардемарины по приглашению капитана вместе. Это было заведено еще не на всех кораблях. Ели солонину и сухую рыбу, запивали вином и несвежей водой.

– Горячая пища и свежая вода, господа, будет не всегда, – поучал капитан молодых гардемарин. – Вяленая рыба, да бочковая солонина, да сухари ваши обеды составлять будут. Ну, конечно, офицеры могут себе что-либо купить в запас, но сего не всегда хватает в плавание. Запомните, господа, –

раскурил трубку Мартынов, — когда будете капитанами, то пища, продовольствие — предмет наипервейших ваших забот. Ибо из-за оной в британском и голландском флотах не раз бунты бывали. Думаю, что ныне, — он глубоко затянулся и пустил такой мощный клуб дыма, что свечи в каюте померкли и угрожающе замигали, — когда у нас пищу морским слу-жителям перестали раздавать на руки, готовят ее на всю команду и раздают артельно, делают правильно. — Сия артельность для лучшей свычки полезной бывает... Матрос наму-чается, измокнет, целую вахту с противным ветром борется, или, как его моряки окрестили, мордавиндом, его накормить и напоить надобно.

Федор усмехнулся на мордавинд, понял, что то умение русского моряка над грозным врагом потешиться, облегчить состояние свое насмешкой и улыбкой. Понял, что на флоте есть свои слова, коих нигде больше нет.

Ударили склянки. Наступала вторая вахта в жизни Уша-кова.

Прощай, гардемарин!

Здравствуй, мичман!

На покрытом чистым песком плацу перед зданием Морского кадетского корпуса оркестр и все три роты будущих мичманов и констапелей выглядели зеленой волной. Моряки, а вернее, царствующие особы, что задавали тон в одеждах подчиненным им войскам, питали тогда пристрастие к зеленому цвету полей и садов, потому и кафтаны, штаны весело перекликались с зеленью, пышно разросшейся вокруг сухопутной базы морских кадет. Белое знамя первой роты хлопало на ветру, то скрывая, то заволакивая орла со скипетром и державою, желтые знамена других рот лишь слегка трепетали, как бы признавая верховенство старшего собрата.

Барабаны выдали дробь, присоединившиеся флейты и трубы наполнили всю площадь боевой, задорной музыкой. Стоявший на возвышении «черномундирный» капитан махнул рукой, и все мгновенно стихло.

— Достойные высокой чести быть морскими офицерами — шаг вперед! — громко и торжественно скомандовал он.

Из первой роты вперед шагнула почти треть, несколько человек шагнули из второй.

— Только что вступившие на стезю морскую, встаньте рядом!

Недружно и робко умостились у локтей лихих гардемарин-нов юные новички в топорщившихся и неприглядных камзолах.

Федора еле тронул за руку сжавшийся слева новичок:

– Кто сию команду дал?

– Эка ты, сухопутчик! Да это же сам Иван Логинович Голенищев-Кутузов.

– Сам директор?

– И директор, и командир, и заботчик. Без него нас бы с вашим братом – сухопутными и артиллеристами – слили в один корпус под началом графа Шувалова.

– А как же остановили сие слитие?

– Императрица, едва на престол взошла и в Сенате присутствуя, потребовала отделить Морской корпус от сухопутного. И быть ему отдельно. Тогда же, в августе, принял Иван Логинович Морской корпус как старший по званию среди корпусных морских офицеров.

Перестройка на плацу завершилась. Иван Логинович, взявшись одной рукой за борт мундира, переждал порыв ветра и наполнил голосом всю площадь:

– Любезные мои соратники по делу морскому, а також и те, кто на сию нелегкую стезю вступает! Наша служба морская есть многотрудная, и посему охотников к ней весьма малое количество. Вы же на свои плечи сию ношу взяли, ибо ведаете, что Россия наша – держава морская и ей верные служители на просторах морских нужны. Великий Петр поста-

новил: «Быть Морских и Навигацких, то есть мореходных хитростно наук учению». С тех пор, можно считать, наш корпус свое рождение ведет.

Россия издревле была морской державой, однако позднее владения прибрежные свои потеряла, и, кроме Белого, у ней морей не осталось. Петр сией заботой о создании флотов и возвращении земель отчич и дедич был озабочен. Однако, потерпев неудачу у Прута, он отказался от Черного и Азовского морей. Но здесь, – голос Ивана Логиновича становился все гуще, – на берегах Балтики, снискал он славу себе, создал сильный и могучий флот русский. Здесь прозвучали виваты в честь викторий под Гангутом и Гренгамом. Тогда и сказал он сии многозначительные слова о смысле морских походов:

«Господь Бог посредством оружия возвратил большую часть дедовского наследства, неправильно похищенного. Умножение флота имеет единственно целью обеспечение торговли и пристаней; пристани эти останутся за Россией, во-первых, потому, что они ей принадлежали, во-вторых, потому, что пристани необходимы для государства, ибо через сих артерий может здравее и прибыльнее сердце государственное быть».

Первая наша Навигацкая школа была в Москве расположена в знаменитой Сухаревой башне, ибо на том пристойном и высоком месте можно видеть было горизонт далеких морских просторов, а начертание и чертежи в светлых покоех творить. Оттуда, с Сухаревки, и из державной Москвы

узрели мы первые победы под Гангутом и Грен-гамом. И кто на Сухареву башню посягнет, тот на всю славную морскую историю Отечества размахнется.

В 1715 году в Петербурге учреждена Морская академия, чьими продолжателями и мы были. Из того знаменитого Кикиного дома в Петербурге и Сухаревки в Москве вышло немало славных адмиралов, капитанов кораблей и фрегатов, геодезистов, нанесших на карты многие начертания берегов России, Сибири и Америки.

При императрице Елизавете Петровне учрежден из академии для «государственной пользы» Морской шляхетный кадетский корпус, в коем вам надлежит учиться, а его выпускники успешно закончили тут курс науки. Многие из выпускников ходили уже в далекие плаванья, другим сие еще предстоит сделать. Держава наша не свободна от угроз, с запада, юга и севера творимых. Пред вами всеми новые дальние походы предстоят. От сих полнощных краев до далекой Америки российские сыны добрались. Русские корабли плавают с коммерческими целями в море Средиземное. А по какому праву наше, в дальние времена прозванное Русским, Черное море без флота отечественного пребывает? Не вам ли, выпускникам сих лет, его снова в наше, славянское, море превратить!

Многие в строю подумали: «Не миражные ли цели ставит капитан первого ранга? Не ворошит ли давно забытое в нашей памяти, не взывает ли он к тем далеким мифам, кои у

древних греков процветали, а в наш век не наблюдаются...»

Гардемарины, уже опытные моряки, выпускники наши, производятся в чин мичмана, сие офицерского ранга звание. Вам же, новичкам, их заместить надобно, в звании гардемарина утвердиться. Сие звание Петром Первым взято у французов, у которых был морской страж – морской гвардеец. Так и вы должны сие звание оправдать умением, рвением и мастерством, чтобы явить из себя подлинного гвардейца моря!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.